

ИСТОРИЯ ЧТЕНИЯ В ХАРЬКОВЕ И ГУБЕРНИИ (1805-1905) В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ЕЕ ИЗУЧЕНИЮ

С. К. Бондаренко

библиограф кабинета библиотековедения имени Л. Б. Хавкиной
Харьковской государственной научной библиотеки
им. В. Г. Короленко

Аннотация. История чтения в Харькове и губернии в XIX в. рассматривается в контексте трудностей историографических подходов, устойчивых суждений и методологии. Утверждается, что историю чтения в Харькове и губернии можно рассматривать как явление процесса модернизации. В этом случае акцент должен делаться на представлении об истории ментальности. *Ключевые слова:* история чтения, Харьков, историография, методология.

Понимание истории чтения в Харькове и губернии в XIX в., вероятно, может быть представлено как толкование явления переноса, трансфера в истории идей (подобно тому, как согласно М. Ямпольскому, Ю. Тынянов толковал образность Санкт-Петербурга посредством анаморфозы) [8]. Ведь сам по себе Харьков как пространство модернизации следует иногда рассматривать как некую проекцию различного рода замыслов, осуществляемых всегда по распоряжению свыше, хотя и не без инициативы общественности, что, впрочем, не всегда верно. Между тем, постановка развернутой характеристики историографии и теории истории чтения в Харькове в данном случае выходит за рамки исследования. Однако необходимо сделать ряд важных замечаний о ней. История чтения в Харькове после исследования Н. Фридьевой, проведенного ею в 1950-е годы (исследованием была обозначена тенденция к дисциплинарным заимствованиям из области чистой истории, философии и педагогики), была по сути свернута как задача сугубо историческая [6]. Она до сих пор находится в рамках дискурса истории читателя и истории библиотечного дела. В значительной степени новаторские подходы довоенных лет, отсылающие к социальному конструктивизму и библиопсихологии, оказались на данном этапе утрачены. На этом фоне в конце XX – начале XXI в. харьковские историки библиотечного дела стремятся наверстать упущенное время, и видят свою задачу в переосмыслении истории чтения. С этой целью решено прибегнуть к задачам различного толка: как теоретическим и методологическим, так и сугубо историческим, уводящим в область архивного разыскания.

Одним из подходов, могущих быть примененным к истории культуры, истории идей, к истории чтения, называют такой, который используется историками модернизации, например Б. Мироновым [5]. Мы не будем подробно останавливаться на собственно философском и теоретическом аспектах проблемы модернизации в целом, для этого нужно было бы обратиться к работам Р. Козеллека, Ю. Хабермаса, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра и Э. Чорана, что выходит за рамки данного исследования. При этом заметим, что с точки зрения парадигмы модернизации, возможно научное суждение о неодинаковых ее темпах для различных территорий отдельного государства, в зависимости от степени их экономического развития и обостренности в них классовых противоречий. Именно этот тезис о повторении и диахронии в истории культуры полагается нами в основу дальнейшего рассуждения об истории

чтения в Харькове в XIX в., которая может рассматриваться, как своего рода *longue durée*. Это необходимо с точки зрения «привязки» архетипа исследования к методологии историков школы «Анналов», к коим относят в том числе и широко известного историка чтения Р. Шартье [7]. Между тем, анализ историографии его работ, как и трудов Р. Дарнтон, не находится в области интенций данного текста.

Нельзя отрицать значительные темпы модернизации для г. Харькова, численность и плотность населения которого в XIX в. очень быстро возрастала. Это вызывало трагические перекосы, разрывы как в области благоустройства, быта и психического благополучия в городе, так и в области интеллектуальной и культурной жизни. Впрочем, такими же скорыми темпами нарастала урбанизация и многих других городов, и в их числе к отличиям Харькова стоит относить с одной стороны наличие немалого университета, а с другой – его фронтальное положение по отношению к иным губерниям: и аграрным, и индустриальным. Это вскоре сделало город центром, местом бифуркации, своего рода урбанистической монструозностью, резко контрастирующей с окружающей доиндустриальной местностью, традиционной действительностью архаики Слободской Украины. За лавинообразным ростом населения в Харьков во второй половине XIX в. (приток его обеспечивал преимущественно пролетариат, полупролетариат, пауперы, и так далее, с одной стороны, а с другой стороны – учащаяся молодежь, разночинцы, и мелкая буржуазия, при этом, приток народонаселения коррелирован с притоком капитала) инфраструктура города не поспевала. Очень скоро город исчерпал ресурсы воды (возникла проблема водопровода, канализации, очистки улиц), устойчивой транспортной сети (улицы были перегружены, конка мало меняла положение, пригороды были расположены неудобно), воздуха (городской воздух уже в 1860-е годы считался весьма загрязненным). Кроме того, город был чрезвычайно пожароопасным (большие площади были нужны для спасения от пожаров и не застраивались). Картина мира его жителей отличалась ученостью, строгостью, пессимизмом, эклектичностью. В этом отношении психическая, интеллектуальная жизнь города может быть исследована иначе: не в контексте традиционных подходов статистики, исторической социологии или мифотворческого бытописания. Одним из способов иного, альтернативного познания истории эпохи индустриализации, может являться история чтения.

В отечественном интеллектуальном поле, тесно переплетаясь с традиционными для него парадигмами библиотечного дела и истории книги, история чтения многое толкует иначе благодаря широким заимствованиям из области конструктивизма, деконструктивизма и структурализма западного толка. Компаративные ее возможности необычайно широки, и в отечественном контексте еще не раскрыты. При этом ясно, что история чтения для постсоветского пространства, несомненно, является продуктом научного импорта (преимущественно франкофонного и англофонного). При этом, ее познавательные возможности оцениваются весьма высоко, несмотря на сложность теоретической базы и имплицитной методологии исследования. Между тем, философские и культурологические интенции в области истории чтения уже были исследованы в монографиях В. Марковой, М. Зубрицкой и многих других, поэтому в данном случае нет необходимости останавливаться на них отдельно, адресуя читателя непосредственно к самим работам [4; 2].

Характерно, что «новизна» подходов к изучению истории чтения в конце XX – начале XXI в. состоит собственно в следующем: 1) история чтения

деконструирует сложившиеся историографические представления об эпохе, что позволяет «ставить новые вопросы» к традиционным для данного дискурса источникам (например, отчетам библиотек), и тем самым улучшать вполне исторические знания; 2) история чтения всегда изобретает новые языки описания исследуемых явлений, что существенно нарушает рамки конвенций в области исторического знания, весьма расширяя это знание в целом и эмансипируя память; 3) история чтения не обходится без археологии чтения: историк пытается прочитывать популярные каноны книг эпохи вслед за конструируемым его деятельностью представлением о читателе. Таким образом, складывающийся нарратив обогащается резонансами, созвучными в том числе и истории литературы. Это, как минимум, украшает такого рода нарратив, а, как максимум, делает его действительно полезным. В этом случае ясно, что роль истории чтения состоит главным образом в синтезировании, хотя ей и не чужд глубокий, и даже отчасти позитивистский анализ. Это означает, что история чтения не склонна к наследованию языков, например, количественной истории или библиотечного дела, или некой абстрактной «библиологии», но, напротив, согласно вполне традиционным канонам историописания, известных в личинах различных толкований историзма, стремится к слаганию вполне исторических сюжетов. В контексте истории чтения находят свое объяснение, например, явления «психической заразы», всплески самоубийств и душевных болезней, явления сектантства и секуляризации, культурных и ментальных разрывов, классовой и имущественной дифференциации в связи с ее ментальным обликом, просвещения и эмоций в связи с расколдовыванием мира и другие проблемные явления из области истории ментальности. История чтения есть способ историописания ментальности и образов, о чем уже было сказано ранее.

Что же может сказать история чтения о Харькове в период от появления в нем университета (в январе 1805 г.) до первых баррикад (в 1905 г.)? Следует начать с деконструкции понятия о библиотечном деле и фонде, так как его ошибочное толкование приводит исследователей в тупик. Следует, во-первых, акцентировать внимание на том, что в отношении работы провинциальных библиотек приблизительно до 1860-х годов преобладало представление о библиотеке как о фонде, вспомоществующем той или иной вполне корпоративной деятельности. В этом отношении следует сделать акцент на том, что должность библиотекаря была номинальной, он находился при фонде, как фонд был при учреждении, а читатель не имел никакого значения вплоть до появления народнического по своей сути представления о его эмансипации. Это приводило к тому, что позднейшие историки библиотечного дела зря ругали старые библиотеки за их неупорядоченность и малочисленность посетителей: для их норм не было нужды в ином. В этом отношении показателен пример сравнительного историописания истории Харьковской публичной библиотеки (1834 г.) и библиотеки Харьковского императорского университета (1805 г.). Сетования на недостаточность их статистики и устроенности показательны тем, что характеризуют лишь позднейшие представления об устройстве библиотечного дела, свойственные его массовой парадигме. Между тем, массовость старым харьковским библиотекам была чуждой. Это приводит несомненно к накоплению и эскалации энтропии в исследованиях историков. Так, разыскивая массовую библиотеку в 1840-е, или 1850-е годы в провинции и не находя ее, (ничего удивительного, ведь она была скорее подспорьем и вспомоществованием ученым занятиям и коллекцией кунштов, а не просветительской организацией), историки разводят руками. История чтения,

опирающаяся на историзм и диалектику как научные методы исследования, в данном случае вполне позволяет выявлять глубинные эпистемологические причины подобного рода исследовательских и историографических затруднений.

Итак, с точки зрения истории чтения можно составить периодизацию исторического развития чтения в Харькове в XIX в., затрагивая, кроме того, отчасти и XVIII в., и начало XX в. Основанием для систематизации служит, во-первых, деятельность преобладающих библиотек, а во-вторых, характер популярной литературы. Допустимо говорить о таких периодах: 1) до 1805 г. – деятельность библиотеки Харьковского коллегіума и преобладание частных библиотек, элитарный, замкнутый, сословный характер чтения доминирует (таким образом, как об этом писал А. Рейтблат); 2) 1805–1834 гг. – господство библиотеки Университета. Допуск к ней читателей осуществлялся по принципу достоинства, меритократии (созвучно тому, как описывал «власть интеллектуалов» М. Фуко); 3) 1834 – 1840 гг. – появление в городе губернской Публичной библиотеки. Ее характер также был замкнутым, хотя и предполагал открытость, впрочем, невозможную в эпоху Николая I; 4) 1850 – 1870-е годы – рост книжных магазинов и абонементных библиотек на фоне значительного экономического роста города, назревание массового читательского спроса и начало эмансипации читателей из низов, возрастание значения чтения во всех сферах жизни и экономики, вызревание идеи об эмансипации читателя в деятельности специальных просветительских библиотек, например, земских, Общества грамотности. В этот период формируются архетипические конструкты представлений о «народной литературе», формируется кооперативное течение в области библиотечного дела; 5) 1880 – 1890-е годы – становление Общественной библиотеки и канона эмпиристов в области популярного чтения с одной стороны, а с другой – массовый характер чтения беллетристики и газет. Это вызывает коренной перелом в сословной структуре чтения и вызревание читательского авангарда, которому сопутствует совершенствование библиотечной техники; 6) 1900–1905 гг. – подготовка и свершение «читательской революции», окончательное становление нового прогрессивного канона чтения; 7) 1905–1907 гг. – борьба против новой системы чтения, вызревание «рабочей интеллигенции», поддавшейся идее бунта (Н. Санжарь, Н. Ляшко, творчество которых заклеямили З. Гиппиус и А. Блок, но оправдывал Л. Клейнборг и проч.), вполне в духе, приписываемом литераторам эпохи конца Старого порядка Р. Дарнтоном [3; 9]; 8) 1907–1917 гг. – окончательный слом сословного характера чтения и укрепление новой парадигмы читательского восприятия в связи с поисками новых форм массовизации библиотечной работы, ее обезличивания, индустриализации.

Каждый из периодов распадается на отдельные мелкие отрезки, а каждая из упомянутых организаций, всякое явление нуждается в дополнительном членении. Не существует до сих пор отдельной, подробной истории библиотек Харькова и губернии различных типов и видов (народных, земских, школьных, и проч.), не вписывающейся в традиции историописания о таких библиотеках еще столетней давности. Однако для некоторых явлений, между тем, это уже было сделано на основании архивных материалов и отчетов. Впрочем, как отмечал еще К. Дерунов, объективность отчетов о работе библиотек была весьма сомнительна, что, однако, не делает проблемы методологии их изучения менее актуальными и в наши дни [1]. Нередко отчеты формировались таким образом, чтобы акцентировать внимание на выгодных с точки зрения

общественности сторонах библиотечной работы, ее важности, и такая картина подхода к отчетности не была для царской России явлением из ряда вон выходящим. Таким образом, следует различать дискурсы чтения, различать парадигмы библиотечного дела, действующие одновременно внутри самой системы и языка просвещения. По отношению к ним история чтения в контексте новых историографических подходов к ее изучению может рассматриваться как своего рода метаистория. Это означает, что к истории чтения в Харькове в XIX в., как, впрочем, и к истории чтения вообще, невозможно подходить с позиций просвещенческого универсализма, штампуя те или иные исследовательские схемы. Это связано, прежде всего, с тем, что всякий период внутри даже одного века выглядит вполне самодостаточно с точки зрения особенностей языка собственных форм, то есть дискурса. Из этого следует, что «общие места», типические конструкции, сложившиеся в отношении истории исследований библиотечного дела, и созданные как результат стремления к упрощению, в значительной мере, за редчайшим исключением, до сих пор препятствуют современному развитию исторических представлений о прошлом чтения, ущемляя и догматизируя деятельность исследователей. На наш взгляд, историю библиотечного дела ожидает в ближайшее время масштабное переосмысление, конечно же, в связи с историей чтения, и поползновения к тому уже намечаются. В противном случае, такую отрасль знания, как история библиотек, история библиотечного дела, может постигнуть падение к ней интереса со стороны молодых ученых, ориентированных скорее на социологию, психологию, урбанистику и другие модные направления исследований, по-прежнему, увы, далекие от библиотечной теории и практики, прежде всего, по причине ее несвоевременного консерватизма.

Литература:

1. Дерунов, К. Н. Типичные черты в эволюции русской «общественной» библиотеки / К. Н. Дерунов // Избранное. – М., 1972. – С. 62–141.
2. Зубрицька, М. Номо legens: читання як соціокультурний феномен / М. Зубрицька. – Львів : Літопис, 2004. – 342 с.
3. Клейнборт, Л. М. Очерки рабочей интеллигенции / Л. М. Клейнборт. – Петроград, 1923.
4. Маркова, В. А. Книга в соціально-комунікативному просторі: минуле, сучасне, майбутнє / В. А. Маркова. – Х. : ХДАК, 2010. – 252 с.
5. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999.
6. Фридьева, Н. Я. Публичная, общественная и бесплатные народные библиотеки города Харькова до 1919 г. : дис. ... канд. пед. наук. / Н. Я. Фридьева. – М., 1954. – Рукопись.
7. Шартье, Р. Письменная культура и общество / Р. Шартье. – М. : Новое издательство, 2006. – 292 с.
8. Ямпольский, М. Демон и Лабиринт (Диаграммы, деформации, мимесис) // М. Ямпольский. – М. : НЛО, 1996. – 335 с.
9. Darnton R. The great cat massacre and other episodes in French cultural history / R. Darnton. – New York, 1985.